

Глобализация и демократизация как объективные тенденции последних десятилетий должны сформировать некоторую форму представления о солидарной ответственности, когда ее субъектом становится уже не просто индивид, а их совокупность, цивилизованное общество в целом, способное понимать самое себя в этом качестве и на индивидуальном уровне осознавать идею ответственности в ее расширенном толковании. Достижение этого диалектического единства индивидуального и солидарного субъекта в этическом преломлении может стать необходимой основой для формирования глобальной этики ответственности. Мир постоянно и все быстрее меняется, но ответственность за него трансформируется таким образом, что субъект приобретает иное качество. Кризисы проходят, ответственность остается, вопрос лишь в том, кто готов ее на себя взять. Мы оптимистично склонны рассчитывать на то, что формирование глобальной ответственности человеческой цивилизации, к пониманию необходимости которой неизбежно ведет вся история этики, все же случится, и кризисы не пройдут даром.

Литература

1. Анатомия кризисов. // А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерихин и др. М., Наука, 1999.
2. Вышеславцев Б.П. Сочинения. М., 1995.
3. Головки Ю.В. Этика ответственности – актуальные проявления. Вестник МГУИ, №2 (78) 2011.
4. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.: Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке. Известия МГТУ «МАМИ» №1 (15), 2013, т.6. С.90-99
5. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. / Пер. с нем. М., 2004.
6. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. «Прогресс». М. 1990.
7. Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1989.
8. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
9. Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М. 1994.
10. Швейцер А. Культура и этика. М. 1975.

Философия различия: без понятия

Еселев Е.А., Жданов С.Г.

Университет машиностроения

8 (495) 221-5800, esselev@mail.ru, zhdanov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрена необходимость переосмысления философской проблематики на основе взаимоотношения понятий тождества и различия. Определены две позиции в философии: философия тождества и философия различия. Рассмотрена возможность уйти от понятия в философии.

Ключевые слова: различие, тождество, диалектика, понятие, этика, симулякр, кино

В истории философии проблема тождества и различия всегда занимала важное место. По выражению Гегеля, хорошая философия отличается от дурной своим пониманием тождества. Проблема тождественного (и иного) относится к разряду вечных тем философии. Она не только является одной из важнейших в онтологии, но и связана с пониманием того, как вообще конституируется теоретическая мысль. Мы живем в мире тождественного. Это мыслимый мир, где мыслят вербально-понятийно. Понятие же, по определению, есть тождество. Сама процедура познания – отождествление, приписывание известного неизвестному. Этому нас греки научили. У Парменида есть только тождественное, «Иное – не есть», у Платона истинно есть только самотождественные идеи. Правда, существует и иное, как род сущего, но где-то на периферии, на границе мыслимого и немислимого.

Хотя разработку в систематическом виде пар диалектических категорий принято счи-

тать сильным местом у Гегеля, стоит обратиться к истории этого вопроса, прослеживающейся с ранней античности. Элеаты, позднее Платон и мегарики по-разному решали проблему тождественного и иного. В современной же философии значительную лепту в исследование этой проблемы внесли Л. Витгенштейн, Э. Левинас, Ж.-П. Сартр, Ж. Деррида и Ж. Делез.

В последнее время уже довольно часто проводится различие двух философских подходов или способов помыслить мир – философии тождества и философии различия. Делез отмечает: «Существуют два разных способа прочтения мира. Одно призывает нас мыслить различие с точки зрения предварительного сходства или идентичности, в то время как другое призывает мыслить подобие или даже идентичность как продукт глубокой несоизмеримости и несоответствия» [1, с.234]. Второе прочтение или философия различия несоизмерима с первой – традиционной философией, идущей от тождественного. Как определить тот и другой подходы в европейской философии?

Представители философии тождества утверждают, что бытие однозначно определяется тождеством. Существовать – значит быть тождественным. Мы знаем только тождественные вещи. И бытие тождественно мышлению в понятии. Понятие, по определению, есть тождество. Мы мыслим в понятиях, т.е. тождественным. Тождество субъекта с самим собой создает возможность познания и «трансцендентальное единство апперцепции». Вместе с тем признается, что существует и иное. Тождественное существует на фоне иного. Иное бытию - это ничто. Таким образом, ничто также должно каким-то образом существовать, быть причастным бытию. Это противоречие решается в классической метафизике диалектическим путем. Очевидным для этой философии является главенство тождества, определяющего бытие, и где-то на периферии, на границе мыслимого и немислимого в выстроенной иерархии находится иное.

Ничто существует в форме различия, говорят представители другого направления в философии. Быть не обязательно означает быть тождественным. И даже больше, «бытие есть Различие», пишет Делез, проводя до конца эту позицию и выстраивая новую иерархию во круг иного: «в центре различие, а одинаковое – только по окружности». Выражая противоположный взгляд по отношению к тождественному, Делез и другие философы предлагают перевернуть традиционную метафизику, развивая ницшеанскую линию «переворачивания платонизма».

Идя от различия, мы также попадаем в диалектическую игру с понятиями тождественного и иного. Иное определяется различием, оно никогда не тождественно чему бы то ни было, следовательно, отлично и от себя самого. Но иное является иным только в том случае, если оно тождественно себе самому. Следовательно, хотя бы в этом пункте иное тождественно. Тождество себе оказывается условием существования иного. С другой стороны, и понятие не было бы самим собой без иного. Мыслить тождественное можно, только полагая его как иное иного. Мы не выходим за рамки диалектики, если мыслим в рамках понятия. Диалектика – одна из наук тривиума, но самая нетривиальная. «В эпоху античности и в средние века диалектикой называли искусство доказывать истинное и опровергать ложное, а кроме того, искусство правильно определять и классифицировать понятия, правильно строить суждения и умозаключения, правильно отыскивать нужные аргументы» [2, с. 280]. Диалектика апеллирует к субъекту, который различает, и к понятию, которое связывает вещи по закону тождества. Значит, для постижения различного нужно выйти за пределы понятия. И это будет действительно другая философия. Широко известен тезис Фуко о смерти субъекта в современной философии. В XX веке вместо субъекта были Design, потом структуры, потом дискурсы, которые «толкуются между собой». Вместе с субъектом умирает и диалектика. (Диалектика понимается как динамика субъект-объектных отношений.) Наступает новая метафизика и новое выстраивание иерархий.

Современная мысль не может пока избавиться от «культуры дуальностей». С одной стороны, «категории как утки, ходят парами», как говорит Ф.И. Гиренок, а с другой стороны, «добро не изнанка зла, а зло не его подкладка» [3, с.233]. В философии тождества главенство

тождества предопределяет собой мир иного. Разбирая это основоположение философии тождества, которую он называл платонизмом, Ж. Делез выделил такие дуальности оппозиции, как тождественное и отрицательное, тождество и противоречие, а потом редуцировал их к различию и повторению. Опираясь на эту редукцию, Ж. Делез нашел свое решение проблемы взаимоотношения тождественного и иного. В статье Ж. Делеза, первоначально озаглавленной «Разрушить платонизм» [4, с.225], он предложил называть платонизмом определенный моральный порядок или волю к бесконечным попыткам различения хороших копий (тех, которые считаются копией отсутствующего образца) от копий плохих или симулякров (тех, которые, заставляя считать себя образцом, копией которого они являются, утверждают, что образец есть иллюзия). Делез пишет, что проблема проведения границы между сущностью и видимостью, образцом и копией сегодня утратила свою актуальность. Кажется, что современная философская мысль - это утрата тождеств. А современный мир - это мир симулякров.

Выход из онтологии понятия предлагает Философия различия, как попытка взглянуть на мир через призму иного. Это иное видение бытия, основанное на небинарном мышлении без противоположностей. Это и отказ от субъект-объектных отношений (структурализм), и создание симулятивного пространства мысли. Эта философия представляет в каком-то смысле революцию против разума, обращение к другим ресурсам понимания. Философия иного – это с самого начала религиозное знание (иноки в монастырях). Это может быть и восточная мудрость, миф, интуитивное постижение мира.

Философия различия исходит не из порядка самотождественных истин, а из хаоса изменчивой жизни. Познание превращается в различение из-за невозможности найти и зафиксировать окончательное значение. Как и в квантовой механике, есть принцип неопределенности. Такие выражения в физике, как «реальность», «на самом деле», уже вызывают смех. Понятно, что реальность – это идеологический конструкт. Выбирайте любую, как чайник. Другой занимает место субъекта в современной философии. Интуитивно мы понимаем, как изменился мир и наши о нем представления. Проблема заключается в том, что вся онтология использует в качестве языка язык принадлежности тождественному. Но язык способен охватить только конечную реальность. И чтобы говорить об ином, надо использовать иные, не лексические средства выражения: музыку, кино... Выход за пределы языка возможен, помимо религиозного, в этическом отношении. Этическое отношение связывает тождественное и иное. Этику часто и называют философией поступка. Подчеркиваемое Хайдеггером единство онтологии и этики является неприемлемым для французского философа Э. Левинаса. «Этика, - пишет Левинас, - не является моментом бытия – она иная и лучше, чем бытие, она сама возможность по ту сторону» [5, с.219]. Мыслитель в русле иудейской традиции считает, что этический момент не основывается на структурах мысли, речи или языка. Он категорически разводит этику с онтологией и ставит этику в основание бытия, где Бесконечное трансцендируется в конечное. «Этика для Левинаса – новое имя мысли, той мысли, которая отвергла свое «логическое» пленение (принцип тождественности) ради пророческого повинования основополагающему Закону инаковости» [6, с.37]. Надо сказать, что подобным образом оценивал значение этики и другой видный мыслитель XX века Альберт Швейцер. Этика творит бытие, наука же только описывает его. Вся культура начинается с этики, этика предшествует гносеологии и не выводится из окружающего мира. Этику он понимал как приобщение к бесконечному, неземному. Она рождается из мистики и не может быть понята или описана в языке конечных определений, тождественных понятий. Язык способен охватить лишь земную, конечную реальность. Поэтому «истинная этика рождается там, где перестают пользоваться словами» [7, с.221]. Этика существует в мире как этическое действие. Для Левинаса этика – это не только ответственность за другого, но и этика любви.

На возможности, которые открывает в этическом плане постмодернистская мысль, указывают и многие современные исследователи. Вдохновленная прорывом к неклассическому знанию и дополнившая его, осмыслив на философском уровне, философия постмодерна вы-

строила метафизический фундамент для обновленной мощной этики [8]. Она указывает, что этика, понятая как отношение к другому, становится невозможной без коммуникации с другим. Единое, тождественное себе и на себя замкнутое бытие не может коммуницировать. Чтобы возникла коммуникация, необходимо дистанцироваться от самого себя, умножиться и рассеяться. Для коммуникации требуется дистанция. Коммуникация требует несоответствий, разрывов, асимметрии, то есть хаоса. Мы можем сказать, что, созидая хаос с его несоразмерностями, имеем коммуникацию между этими несоразмерностями как неизбежный побочный эффект, а можем сказать что коммуникация обнаруживает зазоры и складки в элементах хаоса (как это и происходит у Ф. Гиренка). В связи с этим вспоминается теория симулякров Бодрийера в противовес современным определениям симулякра: это – вещь в восприятии постмодерного сознания, которое ведет себя по отношению к этой вещи как объективно существующей, но может при необходимости в любой момент представить ее как всего лишь галлюцинацию. Проблема коммуникации, которая сама по себе могла бы считаться частной и проходной, как и положено любой философской проблеме, выводит нас к «последним основаниям».

Я давно заметил, что хорошо не там, где нас нет, а там, где мы вместе молчим, где можно помолчать вместе. А кому предписано молчание, могут не выражаться. Акуматики Пифагора только наблюдали. Или буддийские монахи. Идеальный образ жизни – созерцательный (по Аристотелю, Нус, созерцающий себя, рефлектирующий).

С другой стороны, мы не можем иметь адекватные образы себя как философов, не обращаясь к взгляду других. Деррида говорил, что мы не можем видеть свой взгляд, свою жестуляцию. Жест лучше виден другими, чем собой. Взгляд, по Гегелю, манифестация внутреннего мира. И мы встречаемся там, где можно видеть себя через других. Как написал Один Из Вас в «Комментариях» [9, с.77], «понять можно лишь Другого, и понять себя можно лишь, поняв себя как Другого, себя же как Себя Самого можно лишь почувствовать...» И это «Самое Само». И в P.S. Слов нет, Хорошо!

По сути, вся философская проблематика должна быть переосмыслена на основе взаимоотношения понятий тождества и различия. Философия различия проблематизирует тождественное. Если мы исходим из понятия, то тождеством является полное равенство самому себе: «Вот я говорю: Я есть Я. Здесь два Я. А мое Я одно. Какое из них мое [10, с.116]? Подлежащее или сказуемое. Я – это Я? Как в Гусарской балладе Шурочка отвечает графу Нулину на вопрос: «Вы – это Вы? Я прав или не прав?», – «Я – это Я! Прощайте, милый граф».

Различия позволяют осуществлять выбор. Это условие свободы. Если нет выбора - нет свободы, нет нравственности, нет человека. Но и свобода не сводится к свободе выбора. Когда писателя Исаака Башевиса-Зингера спросили, верит ли он в свободу, он ответил: «Приходится, у меня же нет выбора» [11, с.30]. Свобода проявляется, когда выбор сделан, и ты знаешь, что он правильный. Что же можно выбирать?

Выбирать можно не содержание, а дискурс. Например, можно поговорить о бабах, а можно о женщинах. Это разные дискурсы и одно содержание. Когда-то Фуко пришел к выводу о знаковой, или дискурсивной, природе реальности. И Ж. Делёз настаивал, что окружающий нас мир есть мир знаков, что нет никаких фактов, а лишь интерпретации. Задавая некий концепт, мы можем оказать воздействие на все поле дискурса, то есть изменить всю реальность, в которой существуем. Творчество концептов – это и есть философия, а в условиях знакового характера окружающего мира это есть настоящее миротворчество.

Дружба ведет к философии, но философия не ведет к дружбе. Она уводит в одиночество. Философы становятся аутистами. Философия одиночек отходит от бытия. Потому что быть–это быть вместе. Философия же, понятая как текст и через язык, становится аутичной. Прав Ф.Гиренок, язык не дом бытия, а проходной двор. В нем дует ветер непонимания и выдувает наши чувства. Чувства ближе всего к бытию. Это то, что мы есть, а не то, что нами мыслится.

Не все действительное разумно. Язык обкладывает эмоции «кирпичами слов». Когда

мы встали на терминологические рельсы, оттуда уже не вырваться. Язык покатит и прокатит мимо. Мы попали в ловушку. Это тюрьма из одиночных камер. Можно перестукиваться, обмениваться знаками. Но нельзя посмотреть в глаза, увидеться. Услышать там можно только крик или стон. Вот этот крик и стон, по-другому глас, выводит философию из казематов смыслов и слов. Это может быть выход к другой философии, если таковая будет иметь место.

Философия различия – это попытка обратиться к такой философии, дать место всему тому, что не вошло в традиционно построенную и выраженную философию текста. Это философия объединения на пути самоосмысления и самообоснования, которая далеко уводит от стандартов обычной философской работы и приведет к невыразимому.

Поскольку мы живем в мире понятий, то единственное, чему мы можем доверять, это языку; однако если язык говорит нам, что мир реален и дан в ощущении в том виде, в котором мы его воспринимаем, то у нас нет оснований этому не верить; следовательно, «оправданы в равной мере идеализм и материализм, но поскольку оправданы они в системе знаков и средствами знаков, то в любой момент можно уйти от определенности и фиксированности каждой из этих позиций в чисто знаковую реальность, оставив в подвешенном состоянии как вопрос противостояния материализма и реализма, так и прочие знаменитые оппозиции классической философии».

Нельзя объединиться через текст. Текст – выражение индивидуального сознания. У каждого – свое, своя правда. Смыслы разрывают. По правде (сказать), мы друг другу не нужны. Кто-то сказал, что ложь – условие коммуникации людей. Но врать плохо и утомительно. Можно объединиться через место – просто, быть в-месте. Значение слова тоже имеет место. И слово «философия» может иметь значение там, где больше нет ни смысла, ни текста (имени). Философия, понятая как творчество концептов, превращается в интеллектуальную игру. Удача философа – это удача ремесленника, освоившего свой инструмент – язык. Кто лучше владеет языком, тот и выигрывает. Так было у греков, так осталось впоследствии. Античная философия перешла в аутичную. Но язык удваивает бытие, рационализирует мир. В языке не все еще бытие, а только мыслимая его часть. Философия различия – это философия не рационального остатка. О нем и нельзя судить рационально, по тексту. Результат же философской работы в виде какого-то текста есть симулякр. Подлинным же результатом является само объединение людей, коммунитарность. Притом, что это не имеет смысла, это имеет место. Философы не объединяются общим, они соединяются различным.

Поиску языка посвящены работы и многих русских философов последнего времени (Ф. Гиренок, В. Мартынов). Как отмечал Бибахин в «Языке философии», отечественная философия должна, наконец, заговорить на своем языке, чтобы стать со временем вровень с русским искусством.

Одним из способов выражения для философии различия является кинематограф. В том виде, когда он только начинался, кинематограф вполне мог стать языком философии. Кино Якова Параджанова и Дзиги Вертова, Сергея Эйзенштейна могло выражать абстрактные философские идеи. Кинематограф начинался как «Великий немой». Были эксперименты транскрипции философских произведений в кино (Экранизация «Капитала» Маркса С. Эйзенштейном в 20-х годах).

Кино – это указание на то, что невыразимо на языке тождественного. Письмо – это фиксация значений в понятиях. Когда мы говорим, пишем, то выбираем из того, что у нас имеется в качестве имен. Язык предлагает имена, мы ограничены языком. Но как сказать о том, что не именуемо? Язык не способен именовать все элементы ситуации. Если сказать нельзя, то можно показать. Кино – это особый дискурс, это обращение к тому, что помыслить сложно, на что нам указывает метафора, образ, икона. Кто-то красиво сказал, что кино – это «кораблекрушение письма». Кино мыслится в терминах изменения, как доязыковое, невербальное мышление.

Говорить же о кино можно, лишь используя некинематографические средства. При

этом мы опять приходим к слову и языку. Да и сам «взгляд сформирован по правилам слова, и видеть мы можем потому, что уже говорим». Остается то, что не высказано, не показано и о чем умолчали. В кино, да и во всей культуре значительна тема нехватки, зияния, отсутствия. В структурализме цепь означающих формируется при помощи выявления наличия или отсутствия признака. В кино часто используется такой прием, как голос за кадром. Убедительность ему придает как раз отсутствие говорящего. Кино – это выставление на показ. В. Бибахин утверждает, что философия есть попытка быть словом мира [12, с.16]. Язык – это система, имеющая в своей основе простейший акт расподобления. Попадая в сферу действия этой системы, элементы начинают различаться и тем самым организуются. Вначале было слово, пусть в виде простейшей структуры. Структура указывает на что-то более первичное. Под всякой структурой есть еще структура, как сказал бы У. Эко, более «отсутствующая». Естественным завершением любого последовательного структурализма будет смерть идеи структуры. «Онтологическая ошибка не в том, чтобы всегда держать под рукой гипотезу тождества, стоящую на службе фронтального исследования различий. Онтологическая ошибка – считать запас возможного не тождества исчерпанным» [13, с.28].

Итак, мы определили две позиции в философии, которые назвали философией тождества и философией различия. Мы выделили в постановке проблемы три аспекта, которые можно записать тезисно:

- Жизнь – это вечное возвращение различия.
- Философия – это игра с различиями.
- Конец диалектики в решении проблемы тождественного и иного.
- Этика – новое имя мысли, которая отвергла свое «логическое» пленение (принцип тождественности).
- Кино – это возможность уйти от понятия в философии.

Литература

1. Делез Ж. Платон и симулякр. // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998.
2. Бозций. Утешение философией и другие трактаты. – М.: Наука, 1996.
3. Гиренок Ф. Патология русского ума. Картография дословности. М.: «Аграф», 1998.
4. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998.
5. Левинас Э. Ракурсы. // Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
6. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. – СПб., Machina, 2006.
7. Швейцер А. Культура и этика. // Благоговение перед жизнью, - М. 1992.
8. Игнатенков. Философские исследования, № 3 – М.; NB, 2013.
9. «Комментарии» № 23 - М.-СПб., 2003.
10. Гиренок Ф. Фигуры и складки. – М.: Академический Проект, 2013.
11. Каткерт Т., Клейн Д. Как-то раз Платон зашел в бар... - М.: Альпина нон фикшн, 2013.
12. Бибахин В.В. Язык философии. – 3-е изд., стер. - СПб.: Наука, 2007.
13. Эко У. Отсутствующая структура. р. 379 по Бибахин В.В. Язык философии. – 3-е изд., - СПб.: Наука, 2007.

Кризис техногенной цивилизации и формирование новой экологической парадигмы общественного сознания

д.ф.н. проф. Ивлев В.Ю., д.ф.н. к. психол. н. проф. Ивлева М.Л., к.ф.н. доц. Иноземцев В.А.
Университет машиностроения

8-926-811-56-57, vitalijivlev@yandex.ru, marinanonna@yandex.ru, inozem_63@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуются кризис, постигший техногенную цивилизацию на рубеже тысячелетий и вызванный глобальными проблемами современно-